

РОССИЯ НА ЗАЩИТЕ СВОЕЙ ИСТОРИИ

Кирилл Бенедиктов

Дискуссия об исторической политике, ее месте в государственной идеологии и влиянии на международные отношения становится актуальной в свете приближающегося семидесятилетия начала Второй мировой войны. О необходимости уважать историю, а не заниматься ее недобросовестной интерпретацией говорил на встрече с представителями российского дипломатического корпуса президент России Дмитрий Медведев в июле 2008 года. Президент обратил внимание на опасность частичной реабилитации нацизма, на *«имеющие место в отдельных странах попытки вытаскивать на свет тезисы цивилизаторской, освободительной миссии фашистов и их пособников»*.

Как отметил Дмитрий Медведев, порой возникает ситуация, *«когда политики, вместо того, чтобы заниматься своим прямым делом — выстраивать гармоничные международные отношения, да и просто свои внутренние задачи решать, предпочитают оттеснять ученых-историков, передергивать саму историю, как колоду карт, под свои личные воззрения для решения конъюнктурных задач»*.

Одного фонда, одной комиссии и одной рабочей группы на всю Россию, безусловно, недостаточно для ведения профессиональной дискуссии

В связи с этим возникает **чрезвычайно важный и принципиальный для темы исторической политики момент — вопрос об ее институциональном обеспечении**. Даже если политики и оттесняют историков в своих попытках разыграть историческую карту, они не могут обойтись без профессионального экспертного сообщества.

В странах Центральной и Восточной Европы подобное сообщество пользуется значительным влиянием. Главными его инструментами являются институты памяти. Функции их многоплановы: так, Инсти-

тут национальной памяти в Польше занимался среди прочего изучением архивов служб безопасности ПНР, обслуживая проводимую антикоммунистическим правительством политику люстрации.

Украинский Институт национальной памяти, созданный сразу после «оранжевой революции», занимается в основном идеологическим обеспечением концепции голодомора как геноцида украинского народа со стороны России.

Есть ли у России возможности дать адекватный ответ?

Нет ответного удара

Прежде всего, следует отметить, что **ничего подобного восточноевропейским институтам памяти в современной России нет**.

Вопрос, по-видимому, лежит в плоскости государственной поддержки тех или иных направлений исторического поиска. Подобные институты могли бы фокусировать свое внимание как на проблеме противостояния фальсификации истории в целом, так и на отдельных болезненных проблемах, используемых восточноевропейским экспертным сообществом в борьбе за переоценку Второй мировой

войны и роли в ней России. Таких проблем достаточно много: помимо пакта Молотова — Риббентропа, это и Катынь, и голодомор, и послевоенная «оккупация». Едва ли не единственной организацией, занимающейся такого рода проблемами и имеющей государственную поддержку, является Группа по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений. Группа была создана в 2002 году, а в новом формате и с расширенным мандатом существует с 2008 года. Сопредседателями группы являются ректор Москов-

ского государственного института международных отношений (МГИМО-Университета) Анатолий Торкунов и бывший глава министерства иностранных дел Польши Адам Ротфельд. Группа, в состав которой входят профессиональные дипломаты и историки, обращает особое внимание на работу с неизвестными ранее архивными документами и обеспечение взаимного доступа к архивам.

На данный момент существует несколько фондов, деятельность которых в той или иной степени затрагивает проблематику исторической политики. Так, среди целей и задач **фонда «Русский мир»** значится «формирование благоприятного для России общественного мнения», «содействие установлению климата межнационального уважения и мира», «создание системы экспертного обеспечения гуманитарного измерения внешней политики России». Однако вклад «Русского мира», как и некоторых других фондов (**Фонд Столыпина, Фонд Солженицына**), в формирование национальной исторической политики на данный момент крайне скептически оценивается экспертами.

По словам Роя Медведева, это все настолько маловлиятельные и малоизвестные организации, что влияние их совершенно незначительно, их деятельность закрывает, «какие-то крошечные участки российской истории».

Пример общества «Мемориал», созданного на заре перестройки «для переосмысления истории», к сожалению, не может считаться удачным. Главной его целью было покаяние нации за грехи сталинизма, в то время как задачей Института памяти стран ЦВЕ является «позитивное рессентименто». Именно поэтому «Мемориал», даже при всем благородстве декларируемых целей (*«превратить «войну памяти» из постоянного источника новых психозов и конфликтности в основание для нового сотрудничества»*) не столько оппонирует против-

никам, сколько капитулирует перед ними.

Негативно оценивает деятельность фондов и профессор Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) Алексей Кузьмин: *«Я всегда считал, что разнообразные кормушки играют гораздо меньшую роль. На самом деле они играют ровно ту роль, которую хотят играть их руководители».*

Более осторожен в оценках председатель отдела по взаимоотношениям Церкви и общества Московского патриархата отец Всеволод Чаплин: *«Что касается ныне действующих институтов, занимающихся проведением в жизнь политики памяти, то мне хотелось бы видеть их более мобильными, более активными, способными отстаивать свое видение истории, а главное — правду».*

Убить режиссера

На данный момент, пожалуй, только одна неправительственная организация отвечает пожеланиям отца Всеволода Чаплина: это фонд **«Историческая память»**, созданный осенью 2008 года. Целью деятельности фонда является содействие объективным научным исследованиям актуальных страниц российской и восточноевропейской истории XX века. Успешная деятельность фонда в значительной степени связана с личностью его создателя, молодого историка Александра Дюкова. Дюков, специалист по истории советского партизанского движения, выпустил несколько книг, посвященных разоблачению фальсификаций Второй мировой войны. В частности, в книге «Миф о геноциде: репрессии советских властей в Эстонии» доказывалось, что репрессии в Эстонии не носили этнического характера, общее число репрессированных завьшается эстонскими политиками в 2,5 раза (реальное число — 54,7 тысячи человек), а число умерших от репрессий — в 6 раз (реальное число — 9,5 тысячи человек). В монографии «Второстепенный враг: ООН, УПА и решение «еврейского вопроса»» анализировалась роль украинских националистов в уничтожении евреев в годы Второй мировой войны.

Деятельность Дюкова носит отчасти провокативный характер: так, он обрел широкую известность после заявления о том, что хотел бы

«лично убить режиссера» латвийского фильма «The Soviet Story» (о сотрудничестве СССР и Третьего рейха, Холокосте, депортациях и голодоморе) и «сжечь на хер латышское посольство». Позже Дюков выпустил книгу «The Soviet Story: механизм лжи», в которой произвел подробный критический анализ содержащихся в фильме фальсификаций.

Фонд «Историческая память» активно участвует в обсуждениях и дискуссиях, связанных с историей Второй мировой войны, голодомора и послевоенных репрессий. Последним примером может служить дискуссия «Договоры 1939 года между СССР и Германией: правовые и политические последствия», организованной латвийским объединением «Центр согласия», в которой, наряду с латвийскими историками и парламентариями, принял участие и Александр Дюков.

Однако **одного фонда, одной коммиссии и одной рабочей группы на всю Россию, безусловно, недостаточно для ведения профессиональной дискуссии**, которая могла бы обеспечить затем и общественный диалог. Деятельность того же Дюкова подвергается жесткой критике в самой России за воспроизводство обновленной версии советской исторической политики, которая, вероятно, не может стать единственной или уникальной основой российской исторической политики в XXI веке. Необходима сильная когорта историков, которые могли бы не только аргументированно противостоять усиливающимся попыткам

пересмотреть историю Второй мировой войны и других ключевых событий XX века, но и активно проводить российскую историческую политику на международной арене.

Впрочем, эксперты не слишком высоко оценивают шансы на создание сильной исторической школы в ближайшее время. По мнению Алексея Кузьмина, *«историческую политику в наибольшей мере проводит система образования. Здесь я вынужден абсолютно согласиться с господином Бисмарком, который утверждал, что во Франко-прусской войне победил прусский учитель. Так вот, если у вас система образования в том чудовищном беспорядке, в котором она находится, если сама образовательная деятельность является активной не уважаемой в обществе, то, соответственно, у вас большие трудности с формированием осмысленной исторической политики».*

Ситуация кажется безвыходной, но, возможно, все не так плохо. Заинтересованность государства в создании эффективной системы «мобильной защиты» отечественной истории может дать новый импульс престижу исторической науки и повысить значение неформальных объединений специалистов по дискуссионным проблемам истории XX века. Существуют, например, многочисленные форумы историков-любителей, занимающихся Второй мировой войной. В ряде случаев эти как бы дилетанты ориентируются в материале лучше убежденных седидами профессор... ■